

Иван Алексеевич Бунин

Камень
(Тень птицы #6)

Содержание

#1	0005
Комментарии	0022

Иван Алексеевич Бунин
6. КАМЕНЬ
(Из цикла «Тень птицы»)

Открыв глаза, почему-то с особенной радостью увидел я нынче открытое окно своей холодной каменной комнаты. На аршин от окна — высокая желтоватая стена соседнего дома. Ранний солнечный свет золотит ее, заглядывает и ко мне. Где-то внизу по-деревенски блеет коза, где-то вверху раздаются звонкие голоса детей, собирающихся в школу. Вдали, на базарах, восторженно рыдает осел.

Холодно и на крыше, но ослепительное солнце, только что поднявшееся из-за Моавитских гор, над долинами, затопленными светлым паром, уже пригревает одежду, руки. Пряный утренний запах тлеющего на очагах кизяка, его горячего дыма, выходящего из труб прозрачным, дрожащим. В тишине слышен плеск бурдюков, опускаемых из окон в зеленую воду водоема, еще полного густой тени; слышен зычный крик водоносов, бегущих по покрытым улочкам базаров, говор и дробный стук копыт на площади возле цитадели. Весело верезжат и носятся несметные стрижи над розово-желтой кровлей города, над ее опрокинутыми каменными и глиняными чашами, и

вокруг черного купола Гроба. Жарко блещет полумесяц на великолепной мечети Омара, такой одинокий среди окрестной старины и бедности.

Стук копыт — это приводят лошадей для туристов и паломников европейцев. Европейцы живут по отелям, католическим и протестантским миссиям, осматривают святыни почтительно и спокойно. А говор — это говор русских мужиков и польских евреев, идущих плакать. Одни будут лить слезы у Гроба, другие — у Стены Плача, уцелевшей от храма Иеговы. Русские живут в скучных казенных корпусах Православного Общества за Западными воротами. А евреи ютятся в трущобах южного квартала и плачут у останков древнего Сиона, нарядившись в бархатные халаты и польские шапки из остистого меха, под которыми видны на затылках ермолки, а на висках огромные завитки.

Все те, что спешат к мечети Омара, Стене Плача или просто на базары, неминуемо должны пройти по улице Давида. В этом длинном каменном коридоре, уступами спускающемся под уклон, в этих тесных и паху-

чих рядах старого Востока течет непрерывная река — ослов, патеров, имамов, верблюдов, женщин, турецких солдат, бедуинов и паломников всех исповеданий. Своды, холсты и циновки делают его тенистым, но кое-где между ними видно яркое небо, пыльно-золотистыми столпами прорезывается солнце, и даже в тени чувствуешь, как быстро приближается жаркое палестинское утро. Вот серебром блеснули в этой живой солнечной полосе две белые женские фигуры, вот, напомнив Яффу, промелькнул в ней старик, курчаво-седой, черно-сизый, с толстыми губами, тонкими берцами и раскрытой грудью, под черным платком и в пастушеской пегой хламиде; вот ярко озаренный угол какого-то вросшего в землю дома, сложенного из обломков дикого камня и древнееврейского мрамора, с травой на карнизе — над входом в мясную лавку... Все сильнее и радостнее чувствуется близость к какому-то далекому радостному утру дней Иисуса...

Один из переулков налево весь состоит из лавок с крестиками и образками. Дальше каменная ограда, а за ней каменный

двор, полный жаркого солнца, стиснутый стенами греческих и латинских подворий и самого храма. Мраморная паперть его занята торговцами, разложившими на ней все те же кипарисные и перламутровые крестики, четки и раковинки. И этот двор, храм — это-то и есть «Юдоль Мертвых». Некогда она лежала вне городских стен, была пустошью, служила для свалки нечистот и крестной казни. Потом стала величайшей святыней мира. И владели ею то Рим, поставивший над могилой распятого храм Венеры, то Византия, то Хозрой, то Омар, то Готфрид, то султаны Стамбула...

Фасад храма сер и тяжел. Входы его в больших глубоких сводах, украшенных обветшалыми барельефами. Один грубо заложен камнями. Другой широко зияет темнотой, усеянной цветными огоньками лампад. Два старинных решетчатых окна во втором ярусе слишком малы, незаметны по сравнению с фасадом. И фасад кажется частью слепой крепостной стены. Толпой выходят русские мужики и бабы, оборачиваются, кланяются до земли и, встряхнув волосами, вздыхая и вытирая лапами заплаканные глаза, идут бро-

дить по базарам... Злорадно верезжат и черными стрелами носятся вокруг горячо нагретых стен стрижи... Снисходительно-ласково, притворно-сердито воркуют голуби на выступе карниза...

В портале, на широких нарах, курят, пристально глядя на шахматы, турецкие солдаты. Дальше — сумрак первого притвора, и среди исполинских погребальных свечей, на низком помосте, под балдахинном, увешанным дорогими разноцветными лампадами, — желто-розовая плита: Камень Помазания. Налево ротонда под колоссальным несведенным куполом, детски расписанным облаками, лазурью, ангелами. Посреди — часовня песочного мрамора, вся в блестящих окладах и горящих лампадах. У входа ее горят разноцветные свечи, перевитые сусальным золотом, выше роста человеческого... Вот он, этот жуткий погребальный Вертеп, такой тесный, что в нем трудно повернуться, и настолько залитый светом, что в нем слепнешь и не сразу разглядишь у стены направо низкую лежаночку из мрамора! А к ней-то и текут со всего мира, ето и кропят ежечасно розовой водой, над ней-

то и пылают пятьдесят лампад и целые костры восковых свечей...

После жара и блеска Вертепа, сумрачно кажется в Ротонде. Тут с утра до вечера — сплошной крестный ход, давка, слезы, рыдания, служба на всех языках. Служат и в греческом соборе, рядом, и в католических приделах, и на Голгофе — маленьком темном алтаре, куда поднимаются из преддверия Ротонды по мраморной лестнице. Служат и в дальних подземных храмах, где стоит вечная ночь, мрак, озаренный лампадами, и холод могилы... И всюду золото, иконостасы, драгоценные камни, образа всех времен и всяческого письма, ладан, распятия, статуи Мадонны...

«На горе сей пьют радость, пьют вино!»

II

Но еще более горькая радость — у Стены Плача, у останков святилища Иеговы.

Если не свернешь с улицы Давида к Гробу и пройдешь немного ниже, то необходимо свернешь вправо, в узенькие и жаркие труппобные ходы, что уступами приводят в глухой длинный закоулок.

С трех сторон замыкают его стены камен-

ных домишек. С четвертой, — если стать лицом к востоку, — громадная крепостная стена: Стена Плача, остаток укреплений вокруг храма Соломона, а теперь часть стен вокруг мечети Омара.

По утрам здесь тень. Зелень нескольких акаций радует глаза, отвыкшие в Иерусалиме от зелени. Радостными синими глазами глядит сверху небо. Но под стеной, под ее золотистыми камнями, отшлифованными мириадами уст, стоит немолчный стон, дрожащий гнусавый вой, жалобный ропот и говор. Он то замирает, то возрастает; то сливается в нестройный хор, то делится на выкрики. Женщины, накрытые шелковыми шальями, прилоняют к стене головы и бормочут ей свои жалобы покорно и несмело. Мужчины, прижавшись к ней левым плечом, держат в левой руке старинные молитвенники, а правую простирают к верхним камням. Они быстро-быстро читают, выкрикивают какие-то заклинания и страстно молят, ищут кого-то в ясном небе. Они в отчаянии опускают веки, поднимают брови и, стеная, раскачиваются... И вдруг опять оживают, раскрывают забле-

стевшие глаза... И в то время, как одни хватаются за головы, топают ногами и рыдают, другие жадно покрывают поцелуями стену, с восторженными воплями подскакивают и бьют в ладоши...

Сколько здесь круглоликих, огнеглазых юношей с черно-синими пейсами, в одеждах испанских евреев, и тонконогих, худосочных старцев, точно сбежавших из Долины Иосафата! Лица их бледны как смерть, головы закинута, большие выпуклые веки сомкнуты, крутые серые пейсы и белые длинные бороды трясутся. Страшно то, что эти библейские покойники наряжены — в новые меховые шапки сверх ермолок и в алые бархатные халаты, которые открывают жидкие ноги в белых чулках и погребальных туфлях. Но еще страшнее, когда они, на вечерних литаниях в пятницу, соединяют свои дрожащие голоса в один мучительный вопль, отвечая предстоящему.

— Ради чертогов покинутых! — скорбным тенором восклицает предстоящий.

— Одинокие, сидим мы и плачем! — жалобно, фальцетами вскрикивают старцы.

- Ради чертогов разрушенных...
- Одинокие, сидим мы и плачем!
- Ради стен ниспровергнутых...
- Одинокие, сидим мы и плачем!
- Молим тебя, умилосердись над Сионом, — запекает предстоящий.
- Собери чад Иерусалима! — подхватывают старцы.
- Поспеши, поспеши, искупитель!
- Да воцарится на Сионе мир и радость!
- И опять расцветает жезл Иесея!

Но уже никогда, никогда не расцвести ему снова ветхозаветными цветами! Разве может забыть земля о том незабвенном утра две тысячи лет тому назад, когда вошел отрок в Назаретскую синагогу?

«Ему подали книгу пророка Исаии; и он, раскрыв ее, нашел место, где было написано: Дух Господен на мне, ибо он помазал меня благовествовать нищим и послал меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу...»

Мечеть Омара цветет над нищей и нагой

Иудеей во всем богатстве и великолепии своих палевых кафель, голубых фаянсов, черно-синего купола, громадного мраморного двора и тысячелетних кипарисов.

Даже из-за Мертвого моря, с первых уступов Моава, видна она. В знойном неоглядном просторе открываются оттуда огнем горящие на юге и теряющиеся в блеске неба и солнца воды, поглотившие Содом и Гоморру; за ними таинственная светоносная Аравия. На севере, в глубине бесконечных извилистых долин, — Иерихон. Маленьким оазисом темнеет он в пустыне, у слоистого подножья Иудейских гор. Выше, среди их голых желто-серых перевалов и впадин, как модель аравийской крепости, лежит Иерусалим — и тускло блестя над ним купола мечети и Гроба. И от Аравии, из-за Иордана, с морских побережий — отовсюду стекаются к стенам и святыням этой крепости пути поклонников всех стран и народов. Мечеть — первая Кебла Ислама. Сам пророк заповедал молиться, обратясь лицом к Камню Мориа, ныне покрытому ею: Мекка стала Кеблой позднее, уже после его смерти. И «пилигрим, вступивший за священную

ограду мечети и поклонившийся Камню, один получает награду, равную награде тысячи мучеников, ибо здесь молитвы его так близки к Богу, как если бы он молился на небе».

Черномазый араб-часовой, в феске и синей турецкой форме, с карабином на плече, медленно бродил возле старых крепостных ворот, когда мы, спустясь по улице Давида, несмело остановились возле них. Еще очень недавно великих трудов стоило не только войти, но даже заглянуть во двор Святылища, а сто лет тому назад за это платили жизнью. Теперь часовой только покосил своими голубоватыми белками, только блеснул огненно-черным зрачком.

Близился полдень, странным металлическим светом блистали (в пролеты длинной отдельно стоящей прямо против ворот колоннады) грани этой огромной мечети, вознесенной на мраморный помост среди ослепительно-белого простора каменного двора. Древние кипарисы стражами стояли возле нее. Несколько ветхозаветных олив раскидывались там и сям своими серебристо-пыльными

пущами над плитами двора, проросшего тонкою бледно-зеленой травой. Под одной из олив, прямо, по-женски, вытянув ноги, сидели две благочестивые мусульманки, закутанные в легкие бледно-розовые покрывала. Голуби, трепеща и свистя крыльями, падали порою на горячие ступени помоста. Но казалось, что уже давно-давно не ступала в этом светлом дворе нога человеческая, — что в каком-то заповедном царстве растут эти черные картинные деревья и блистают чистотой эти каменные плиты. Мертвенно-холодно сияли вечно-свежие краски мечети, возвышавшейся в своем азиатском великолепии среди света и зноя, под слегка аспидным аравийским небом.

Она царит надо всем, что вокруг нее, и вся на фоне этого неба. Ее длинный восьмиугольник, весь из золотистых мраморов, и нежно-лазурный барабан, поддерживающий купол, все это немного приземисто по сравнению с величиной темно-синего свинцового полушария, рубчатого сарацинского купола, увенчанного необычно большим золотым серпом луны с соединяющимися острыми

концами. По-аравийски сумрачная вверху, по-дамасски блистающая инкрустациями снизу, мечеть резко глядит в пролеты колоннады.

Мы поднялись на помост. И тогда мечеть еще ослепительнее предстала перед нами своей громадой. Почти правильная полусфера купола чуть-чуть заострена на вершине, чуть-чуть вогнута у основания — и кажется легкой. Верхний карниз барабана и пространство между его окнами — все в лазурных и белых майоликах, испещренных золотою вязью куфических надписей. Широкая, блистающая полировкой лента белых и лазурных изразцов, тоже вся в золотой вязи, идет и над большими полукруглыми окнами по стене самого восьмиугольника.

Худой, живоглазый мулла быстро распахнул дверь, и, разутые, скользя по желтым камышовым циновкам, вступили мы в прохладу и сумрак, слабо озаренный голубым и розовым светом драгоценных разноцветных стекол. «Что это кажется странным в этой мечети?» — думал я, пока глаза мои привыкли к ее полусвету. И, наконец, понял: ах, то, что нет в

ней обычного простора!

Простора нет потому, что стоит в ней восьмиугольная колоннада: восемь широких столпов и шестнадцать колонн, соединенных архитравом. Пролеты между ними — арками. Как старинная парча, покрывает эти столпы и архитрав блеклая зелень, матовое серебро и золото мозаики, переносящей мысль к Византии. Византийскими капителями увенчаны и колонны.

Но мало того: за этой аркадой высится вторая — круг из четырех столпов и двенадцати колонн, поддерживающий барабан с куполом, круг колонн яшмовых и порфировых — наследие Соломона и Адриана. И уже совсем необычно то, что с великим изумлением видишь в этом круге, за этими колоннами, за соединяющей их невысокой бронзовой решеткой: под зеленым шелковым балдахином, нарушая всякое представление о всяческой человеческой постройке, тяжело и грубо чернеет дикая морщинистая глыба гигантского камня! Купол выстлан внутри той же матовой зелено-золотой парчой мозаики. Сказочно-разноцветное сияние льют рубиновые, сапфиры-

вые, топазовые стекла. Неясно блистает весь храм мраморами и загорающимися гранями хрусталя на несметных люстрах. Тонким ароматом кипариса и розовой воды напоен прохладный сумрак... Зачем же так первобытно вторглась в этот божественный молитвенный чертог сама природа?

Талмуд говорит:

«Камень Мориа, скала, на которой первый человек принес первую жертву Богу, есть средоточие мира. Скалу Мориа, что была покрыта некогда храмом Соломона, а ныне хранима мечетью Омара, положил в основание вселенной сам Бог».

Древние книги и легенды Иудеи и Аравии говорят:

«В Иерусалиме Бог сказал Скале: ты — основание, от коего начал я создание мира... От тебя воскреснут сыны человеческие из мертвых».

«Сойдя в пещеру под Скалой, Медшир-ед-Дан видел чудо чудес: колеблющаяся глыба Скалы, ничем и никем не поддерживаемая, висела в высоте, подобно парящему орлу».

Магомет — в ночь своего путешествия из Медины в Иерусалим на верблюдице Молнии — «стал своей священной стопой на Скалу Мориа, раскачивающуюся между небом и землею». Был взмах, почти достигший врат рая, — и Скала издала крик радости. Но пророк повелел ей молчать — и вошел во врата рая. А Скала вновь пала к земле — и вновь вознеслась — и в движении своем пребывает и донныне: «не мешаясь с прахом и не смея преступить неба».

Кабалистические книги говорят:

«Адонай-Господь воздвиг в Бездне Камень и начертал на Камне имя святое. Когда поднимаются воды Бездны до Камня, они отбегают вспять в ужасе. Когда произносится ложное слово, Камень погружается в воды — и смываются буквы святого имени. Но ангел Азариэла, имеющий 17 ключей к таинству святого имени, снова пишет его на Камне, и оно снова гонит прочь воды».

«В дни пророков Камень был внутри святилища храма Соломона, и первосвященник ставил на нем курящуюся кадиланицу. На нем же стоял и Ковчег Завета, урна с манной

и лежал вечно цветущий жезл Аарона. Ныне Ковчег Завета скрыт в тайниках под Камнем, где сохранял его от врагов сам Соломон, которому Камень давал неземную силу: с него видел царь весь мир от края и до края — и понимал язык птиц и зверей».

Но вот в день падения храма, в девятое число месяца Аба, Камень Жизни останавливается. Сила его иссякает. Тайну Тайн, неизреченные письма, означающие святое имя, прочел Иисус. И к нему же перешла и сила Камня. «Иисус, воспринявший силу его, творил чудеса этой силой». Где же теперь силы Камня?

После Иисуса, говорит Ислам, сила Камня перешла к пророку. И прав Ислам: пророк дал «движение» Камню. «Но недолго сияло солнце Ислама во всей славе своей». Что же готовит миру будущее?

Комментарии

Рассказ впервые напечатан в газете «Последние новости», Париж, 1929, № 2930, 31 марта.

Супруга Бунина вспоминает: «Пройдя по улице Давида несколько дальше той улочки, которая ведет к Храму Господню, мы свертываем вправо и, спускаясь по уступам, попадаем в узкое замкнутое пространство. Восточная сторона его — высокая каменная стена; это и есть „Стена Плача“, главное святилище евреев; некогда она была частью укреплений, окружавших Храм Соломона, ныне же — часть внешней стены, идущей вокруг Мечети Омара».

К словам Талмуда: «Камень Мориа, скала» — Бунин сделал примечание, приписав от руки на полях первого тома издания «Петрополиса»: «Имя Скалы — Эвенгашетия, то есть в переводе: Камень Основы». С Камнем Мориа связаны различные легенды. Бунин цитирует Коран и говорит, каким символом, по Корану, является Камень Мориа для мусульман:

«...Камень Мориа, „непрестанно размахи-

вающийся между небом и землей“, как бы смешивающий землю с небом, преходящее с вечным».

О Камне Мориа говорится и в поэме В. А. Жуковского «Агасфер».